

**ТОПОНИМЫ-АКСИОЛОГЕМЫ
В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ: КРЫМ**

В.М. Мокиенко

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия),

Т.Г. Никитина

Псковский государственный университет (Псков, Россия)

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №20-18-00091 «Мир восточных славян в паремиологической интерпретации: аксиологические доминанты и их лингвокультурологическая репрезентация», реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете).

Аннотация. В статье представлены результаты историко-этимологического и лингвоаксиологического анализа русских, украинских и белорусских паремий с топонимическим компонентом «Крым», сохранившим память о конкретных исторических событиях, связанных с завоеванием и освоением восточными славянами этого полуострова. Показаны аксиологические коннотации топонима, обусловленные фольклорными и мифологическими традициями восточных славян.

Ключевые слова: восточнославянские языки; паремиология; лингвоаксиология; историко-этимологический анализ; пословица; топоним Крым.

При близком родстве восточнославянских языков интенсивность воспроизведения и аксиологическая характеристика в их фразеологии и паремиологии одних и тех же топонимов обнаруживает как некоторые сходства, так и существенные различия. Таковы, например, паремии с компонентом *Крым*. В русском языке они отражают в первую очередь историю освоения и завоевания Крыма российскими войсками при Екатерине II-й и в доекатерининское время. При этом исторические реминисценции в паремиологическом зеркале довольно избирательны и субъективны. Так, пословица же *Большой (Бошой) в доме, что хан в Крыму* [Сим.: 82], где *большой (бошой)* – ‘глава семьи, хозяин дома’, отражает хорошее знакомство русского населения с социальной иерархией Крымского ханства до его завоевания. Она зафиксирована и в варианте *Большой в доме, что хан в Крыму* ‘Хозяин дома, старший в доме управляет всей семьей’ [ДП: 595; Д. 1: 113].

Устаревшая же (XVII в.) ироническая пословица *Гонец из Крыму что таракан из дыму*, имеющая значение ‘Гонцы как можно быстрее покидают Крым’ [Сим.: 92], является историческим свидетельством тех опасностей, которые представляло Крымское татарское ханство для посланников России. Этот же мотив отражен и в пословице *Жить в Крыму что суме в дыму* [Сим.: 101]. Ср. современные просторечные шутивно-иронические поговорки *Ночь в Крыму, всё в дыму, ничего (ни х..., Неценз.) не видно* ‘о чём-л. страшном, грозном и непонятном’ [Мокиенко, Никитина 2003: 179]; *Как в Крыму: всё в дыму, и ничего не видно*. ‘о наполненном табачным дымом помещении’, ‘о неясностях, полной неопределённости в делах’ [Зимин, Спириин 1996: 418].

В одной из таких устаревших паремий запечатлен и эпизод военных неудач крымского хана: *Добредет докуда, до чего как хан до Крыма* ‘о человеке, рискующем потерпеть крах, полное поражение где-л., в чём-л.’ В.И. Даль дает к ней краткий комментарий: «т. е. разбитый в набегах», не уточняя, чей именно был такой набег [ДП: 470]. Крым, как и Азов, был постоянным объектом военных ристалищ, что нашло отражение в пословице *Азов не о сто (сте) глаз, а Крым не крив* [Сим.: 74].

Постоянное преодоление опасностей, связанных с набегами на Крым, стало «брендом» народной поговорки *пройти и Крым, и Рим* [Сок.: 68] и ее варианта *пройти Крым, и Рим,*

и медные трубы ‘испытать, пережить многое, приобрести жизненный опыт’ [СРНГ 32: 149]. Поскольку этот вариант зафиксирован в Краснодарском крае в 1957–1980 гг., то можно предположить, что поговорка имеет украинское происхождение. В пользу этого говорит и фонетический облик топонима *Рым*, а также обилие фиксаций поговорки, как увидим ниже, в украинских паремиологических источниках. При этом сопряжение топонимов *Крым – Рим (Рым)*, скорее всего, не отражает никаких исторических реминисценций о завоевании восточными славянами столицы Римской империи, а является лишь порождением рифмовки этих двух наименований.

Особого внимания заслуживает и экспликация оборота *пройти Крым и Рым* словосочетанием *и медные трубы*. Здесь контаминация с выражением, известным и белорусскому, и украинскому языкам, – *пройти [сквозь] огонь [и] воду [и медные трубы]* ‘многое испытать в жизни, стать опытным’, ‘иметь сложное, небезупречное прошлое, сделаться пройдохой’. Его давно связывают с древним мифологическим осмыслением огня и воды как очищающих, «испытывающих» стихий, известно многим народам и отражено в античной и библейской традиции. Ср. библейские мотивы таких испытаний: «Мы вошли в огонь и в воду, и ты вывел нас на свободу» [Пс.: 65, 12]. Образ испытания огнем и водой столь же активен и жив как в славянском фольклоре, так и в книжном языке, ибо оборот зафиксирован еще в старославянском языке. Его связывают со средневековым обычаем «Божьего суда», когда подозреваемого заставляли держать руку на огне, брать рукой раскаленное железо или бросали в воду. Если он оставался невредим после таких испытаний, то признавался невиновным.

Важно при этом, что оборот *пройти сквозь огонь и воду* древен и интернационален (ср. бел. *прахадзіць/ прайці агні і воды*, укр. *пройти вогонь і воду*; болг. *мина през огън и вода*; англ. *to go through fire and water*; нем. *j-d ist mit allen Wassern gewaschen* и др.), а его вариант *пройти огонь, воду и медные трубы* нов, оригинален и специфичен. Этот вариант находим лишь в белорусском и украинском языках, причем только с XX в. Прибавка *и медные трубы*, видимо, появилась первоначально в военной среде в период Отечественной войны 1812 г., ибо ранее данное выражение не фиксируется, а затем встречается именно в произведениях на военную тему. *Медные трубы* здесь – символ испытания славой, первоначально – духовым оркестром в честь победителей. Не случайно, что этот вариант отражен лишь в украинском, русском и белорусском языках, народы которых одержали эту общую победу над французским нашествием [Вакуров, Мокиенко 1988: 132–139]. Именно он оказался актуальным и в русско-украинской поговорке о *Крыме и Риме*.

В некоторых паремиях с компонентом *Крым* можно найти и следы определенных лингвокультурологических сведений об этом полуострове. При этом они эксплицируют в шутивно-иронической форме. Выражение *поехать в Крым за капустой (по капусте)* ‘делать что-л. крайне непрактичное, бессмысленное (о действиях бестолкового человека)’ [ДП: 449] объясняется фактом, что «капуста в Крыму практически не растет» (Зимин, Спириин 1996: 418, 496), а точнее – ее выращивание здесь нерентабельно. Точно так же ездить в Крым за репой может лишь несведущий, непрактичный, наивный и глуповатый человек: *Не едет Клим по репу в Крым* [Сок.: 50]; *Мажет Клим телегу, едет в Крым по репу* [Сим.: 120; Сок.: 49]. Здесь снова, как видим, экспрессивность усиливается рифмовкой антропонима *Клим* и топонима *Крым*. Шутивно окрашена и поговорка о якобы холодной крымской погоде: *Погода как в Крыму, где двенадцать месяцев зима* [Зимин, Спириин 1996: 418].

Приведенные пословицы и поговорки не исчерпывают, естественно, коннотативного диапазона топонима *Крым* в русском языке. Они, как мы видели, порождение народной речи, малого фольклора. Литературный же язык увековечил этот топоним в крылатом ироническом выражении *Времён очаковских и покорения Крыма* ‘о чем-л. очень давнем, давно минувшем’. Это всем хорошо известная хрестоматийная цитата из комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» (Действие II. Явление 5):

Ч а ц к и й

А судьи кто? – За древностию лет
К свободной жизни их вражда непримирима,
Сужденья черпают из забытых газет
Времен Очаковских и покоренья Крыма...

В словах Чацкого – историческая реминисценция о событиях двух русско-турецких войн. Во-первых, о войне 1768–1774 гг., в результате которой 21 июля 1774 г. был подписан Кючук-Кайнарджийский мир, закрепивший признание Турцией независимости Крымского ханства, права русским торговым судам беспрепятственно плавать по Черному морю и др.. Во-вторых, о войне 1787–1791 гг., когда войсками фельдмаршала Г.А. Потемкина 6 декабря 1788 г. была взята штурмом крепость Очаков. Эта крылатая фраза глубоко врезалась в скрижали русской языковой памяти, воспроизводясь в креативных контекстах самых разных писателей и публицистов с грибоедовских времён – В.Г. Белинский, Д.И. Писарев, М.Е. Салтыков-Щедрин, И.А. Бунин, Ф.М. Достоевский и мн. др. И во многих из них эта память воскресает в деталях давнего военного противостояния:

Опечалюсь завистью, воинской и мужскою, Потемкин мутным глазом, источавшим слезу, еще раз обозрел нерушимые стены *Очакова* <...> Стон стоял под *Очаковом* от мириадом мух, которые облепляли мертвецов, роились над лужами поноса кровавого. Все это нестерпимые факты «*Времен Очакова и покоренья Крыма*» (В. Пикуль. Фаворит, 1989).

Не случайно эта память оставила след даже в нашей диалектной речи – например, в донских говорах, где до сих пор живет бранное недоброе пожелание, проклятье *И Крымский тебя (его, их и т.д.) выломай!* [СРНГ 15: 348]. По архивным данным Академии наук (Филонов, 1856 г.), «приведенными словами вспоминаются действия князя (Потемкина Таврического или *Крымского*), который перенес станицу, где жил Пугачев, на другое место и назвал *Потемкинской*».

В украинской народной речи топоним *Крым* также занимает достойное место. Он притягательный ориентир в песнях чумаков, которые в XVI–XIX веках на волах отправлялись из Малороссии к Черному и Азовскому морям за солью и рыбой, развозя их по ярмаркам. Чумацким шляхом называли торгово-извозный путь, по которому регулярно двигались такие обозы с Крыма, а обратно купцы-чумаки везли с центральных регионов Украины зерно, овощи и другие сельскохозяйственные продукты. Малый украинский фольклор «запротоколлировал» эту деятельность чумаков: *То ж не маки – то чумаки, везуть рибу все судаки; То ж не маки – то чумаки з Криму йдуть, рибу везуть; То ж не маки червоненькі, то козаки молоденькі битим шляхом у Крим йдуть* [ПП 2: 220].

Сюжет этот вдохновлял и писателей (например, А.П. Чехова, повесть «*Степь*»), и художников – например, И.К. Айвазовского (картина «*Чумаки на отдыхе*») и А. Куинджи (картина «*Чумацкий тракт в Мариуполе*»). О популярности такого промысла свидетельствует народное украинское название Млечного пути – *Чумацький шлях* [Мокиенко 2016]. А об опасности, которой подвергались чумаки на пути в Крым, свидетельствуют чумацкие песни. Вот одна из них, которая так и называется – «Ой хто В Криму не бував»:

й хто в Криму не бував,
Перекопа не видав.
Перекіпський комендант
Запорожцям дає знать:
«Годі вам, запорожці,
У Калачах стоять,
А біжить до Салгирю
Чумаченьків рятувать!»
Ой прибігли до Салгирю,
Аж лежать наші чумаки,

Ой лежать наші чумаки,
А де два, де чотири.
А казав князь Долгоруку,
Що не здійме орда рук,
А орда руки ізняла
Та чумаченьків забрала.
Ой погналі чумака
На три битіі шляха,
На три битіі шляха,
Та в четверті озера.

В отличие от чумаков, обозы которых тянулись в Крым с мирными торговыми целями, Крымский хан вторгся на Украину, разоря казачье население и порабощая его. Об этом свидетельствуют украинские пословицы и поговорки, аналогичные приведенным русским: *Багато бід нам принесли хан кримський та папа римський* [ПП 3: 258]; *Де Крим, де Рим, а де Балабанівка* [Ном.: 149; ПП 3: 258]; *Спаси нас, Боже, од папи римського та хана кримського; Як хан долізе до Криму* [Ном.: 109; ПП 3: 258]; *За кого хан, той пан* [ПП 3: 258]. Видимо, на необходимость основательно вооружаться, отправляясь по Чумацкому шляху, намекает и поговорка *Не з такою пугою до Криму ходити* [ПП, 3: 54], в которой слово *пуга* имеет значение ‘кнут, которым погоняют волов’.

В свете таких ассоциаций понятно, почему в украинском, как и в русском, языке пройти и повидать Крым стало символом приобретения военного и жизненного опыта, закалкой перед всеми невзгодами. И здесь повышению экспрессивности соответствующих поговорок способствовала рифмовка с названием столицы Римской империи и добавление «медных труб» и даже «чертовых зубов»: *Перейшов Крим і Рим, і мідні труби; Він бачив і Крим, і Рим, і мідні труби* [ПП 2: 274]; *Бачив Крим і Рим і мідні труби!; Бачив Крим і Рим, і мідні труби, і чортові зуби!* [ПП 3: 351]. Этот вариант поговорки вошел в украинский литературный язык и регистрируется фразеологическими словарями в значении ‘побывать всюду, насмотреться всего, пройти через разные испытания’: – Я говорив повільно, розважливо, як людина, яка *пройшла Крим, Рим і мідні труби*. (Григор Тютюнник. День мій суботній)

Для украинского малого фольклора с топонимом *Крым* характерно обилие шуточно окрашенных вариантов, разнообразие которых позволяет градуировать их аксиологически. На это обратил особое внимание М.М. Пазяк, включив нашу поговорку в разряд украинских фразеологических каламбуров: «До різновидів паремій учені відносять також каламбури та нісенітниці. Вони вживаються здебільшого в іронічному контексті, де або зіставляються два антонімічних поняття і членуються як несумісні («На городі бузина, а в Києві дядько!»), або сатирично зображується якась дія чи явище, які насправді не можуть відбутися («Були вареники, та на вербу повтікали», «Буває, що й ведмідь літає»). Розгалужені гнізда мають каламбурні вислови про щось несумісне («*Де Крим, де Рим, а де панська корчма*», «...а де попова груша», «...а де Балабанівка»; «Ти йому про образи, а він про гарбузи» тощо.» [ПП, 3: 9]. К названым известным украинским фольклористом поговоркам можно прибавить и другие варианты нашего выражения с компонентом *Крым*:

Де Крим, а де Рим!; Де Крим, де Рим, а де яхинські корчми; Де Крим, де Рим, а де корчма бабинська; Де Крим, де Рим, а де злодійська корчма; Де Крим, де Рим, а де Настині корчми; Де Крим, де Рим, а де Настині криниці; Не добереши, де Рим, де Крим, де попова груша; Не розберусь, де Крим, де Рим, а де попова груша [ПП 3: 354].

Каждый из названных вариантов нашей поговорки о Крыме может стать сюжетом развернутого лингвострановедческого комментария. Особенно важны для понимания их шуточно-иронического воздействия на слушателей топонимические варианты. Так, в выражении *Де Крим, де Рим, а де корчма бабинська* сохранилось воспоминание о некогда в XVIII веке популярной корчме в середине пути от Хмельника до Новокопачинского (від Хмільника

до Новокостянтинова), поблизости от сел Лозовая и Педоси Винницкой губернии. Её, между прочим, увековечил на одной из своих картин известный европейский художник-пейзажист и архитектор Жан Анри Мюнц (нем. *Johann Heinrich Müntz*, фр. *Jean Henri Müntz*, пол. *Jan Henryk Müntz* – 1727–1798), путешествовавший по Украине в 1781–1884 гг.

Ещё более тесные исторические реминисценции, связанные с Крымом, «закодированы» в шутивно-иронической поговорке *Де Крим, де Рим, а де Балабанівка*. Сейчас Балабановка (укр. *Балабанівка*) – это небольшое село в Винницкой области, а раньше так называлось местечко Липовецкого уезда Киевской губернии в 185 верстах от Киева. По народному преданию, на месте этого села некогда был большой город Угорм, уничтоженный татарами. Балабанівка была основана в 1612 г. и позднее перешла в собственность винницкого старосты Александра Балабана, по имени которого она и названа. Он попал в битве под Цецорой 1620 г. в турецкий плен и, разорившись, должен был продать Балабановку в 1624 г. Стефану Хмелецкому, который успешно сражался с татарами и получил за это в 1630 г. звание киевского воеводы. В 1648 г. Балабановка сильно пострадала от казаков, соединившихся с татарами, и долгое время оставалась без хозяина, а потом переходила из рук в руки: с 1723 г. в собственность Ворцелей, с 1847 г. – княгини Марушишны Чарторыжской (урожденной Радзивилл) и, наконец, с 1857 г. – графа Владимира Потоцкого. В поговорке отразились не только памятные перипетии борьбы с крымскими татарами, но и балабинский «бренд» XVIII века, когда именно в этом местечке выделялись известные двустольные охотничьи ружья и пистолеты, не уступавшие зарубежным. На них, кстати, красовалась шуточная надпись: «*De kowal Sydor de Balabanowka*», которая усиливала иронический эффект поговорки.

Не случайны и другие варианты украинской поговорки о Крыме и Риме. Хотя одна из них гласит: *Не розберусь, де Крим, де Рим, а де попова груша*, под мифологическим микроскопом в её внутренней форме и затаенном смысле разобраться все-таки можно. Ведь символика этого дерева в народной, языческой культуре амбивалентна: с одной стороны груша наделена признаками чистоты и святости, а с другой она, как верба и бузина, связывается с нечистой силой [СД 1: 566–568]. Это представление закодировано, в частности, и в старом народном украинском сравнении *закохавсь як черт в суху грушу* [Ном.: 168]. Ср. также поговорку, отражающую подобные языческие представления о груше: *Спасе Бог вашу душу на колючу грушу, на пень боком, на колючку оком!* [ПП 3: 340]. Ироническая поговорка *груші на вербі* – своеобразный мифологический парадокс, один из вариантов так называемой «формулы невозможного», обозначенной П.Г. Богатыревым как «оксюморон в действии» [Мокієнко 1984: 76–78]. В этом фольклорном парадоксе и разгадка шутливости и «небывальности» поговорки *Не розберусь, де Крим, де Рим, а де попова груша*: ведь *попова груша* – такая же бессмыслица и фразеологическая невероятность, как свистячий рак или знаменитый царь Горох.

Как видим, в русских и украинских поговорках топоним *Крым* сохранил память о конкретных исторических событиях, связанных с завоеванием и освоением восточными славянами этого полуострова. Не обойдены в них вниманием и их торговые связи с крымско-татарским ханством, чередующиеся с военными конфликтами. Но язык, а особенно такая его креативная составляющая, как паремиялогия, не просто летописный слепок исторических «переживаний» народа в ту или иную эпоху, а их художественная оценка, окрашенная фольклорными и мифологическими оттенками. Этот креативный комплекс и вырисовывается при анализе пословиц и поговорок с компонентом *Крым*.

Список литературы

1. Вакуров, В.Н. Огонь, воды и медные трубы / В.Н. Вакуров, В.М. Мокиенко // Русская речь. 1988. № 1. – С. 132–139.
2. Д.: Даль, В.И. Толковый словарь живого русского языка / В.И. Даль. 3-е изд. Т. 1–4. М., 1955.
3. ДП: Даль, В.И. Пословицы русского народа / В.И. Даль. М.: Худ. лит., 1957. – 992 с.

4. Зимин, В.И. Пословицы и поговорки русского народа / В.И. Зимин, А.С. Спирин. М.: Сюита, 1996. – 544 с.
5. Мокиенко, В.М. Млечный путь Александра Сергеевича Герда / В.М. Мокиенко // Verba magistro. Сб. науч. ст. памяти проф. А. С. Герда / отв. ред. А.Х. Гирфанова, С.А. Мызников. СПб.: Нестор-История, 2016. – С. 216–225.
6. Мокієнко В.М. Груші на вербі / В.М. Мокієнко // Українська мова і література в школі, 1984. № 5. – С. 76–78.
7. Мокиенко, В.М. Словарь русской брани (матизмы, обцензизмы, эвфемизмы) / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. СПб.: Норинт, 2003. – 448 с.
8. Мокиенко, В.М., Семенец, О.П., Сидоренко, К.П. Большой словарь крылатых выражений А. С. Грибоедова. («Горе от ума») / под общ. ред. К.П. Сидоренко. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009. – 800 с.
9. Ном: Українські приказки, прислів'я і таке інше: Зб. О.В. Марковича і других / Спорудив М. Номис. СПб, 1864.; 3-е вид. Київ: Либідь, 1993. – 766 с.
10. ПП 1-4: Прислів'я та приказки. Упорядник М.М. Пазяк. Київ: Наукова думка. Т. 1. Природа. Господарська діяльність людини. 1989. – 479 с. Т. 2. Людина. Родинне життя. Риси характеру. 1990. – 524 с. Т. 3. Взаємини між людьми. 1991. – 440 с. Т. 4. Українськ прислів'я, приказки та порвняння з лтературних пам'яток. Упорядник М.М. Пазяк. 2001. – 392 с.
11. СД: Славянские древности. Этнолингвистический словарь под редакцией Н.И. Толстого. М.: Междунар. отнош. Т. 1. 1995. – 584 с. Т. 2. 1999. – 697 с. Т. 3. 2004. – 704 с.; Т. 4. Т. 5. 2013.
12. Сим. XVII–XIX вв.: Симони П. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий / Собрал и приготовил к печати Павел Симони. СПб., 1899. 1–XIX + 216 с.
13. Сок.: Соколова, М.И. Народная мудрость. Пословицы и поговорки / М.И. Соколова. Новосибирск: Офсет, 2009. – 622 с.
14. СРНГ: Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина и Ф.П. Сороколетова; гл. редактор С.А. Мызников. Вып. 1–52. М., Л./СПб, 1965–2021 (издание продолжается).

ЛЕГЕНДЫ И ВЕРСИИ (О ПРОИСХОЖДЕНИИ НЕКОТОРЫХ ОЙКОНИМОВ В ПРИНЕВЬЕ)

С.А. Мызников

Институт славяноведения Российской академии наук (Москва, Россия)

Аннотация. В данной работе представлен анализ происхождения некоторых ойконимов, имеющих давние фиксации на территории Ленинградской области в бассейне реки Невы. Сопоставительные материалы для работы были собраны в ходе полевых исследований, а также почерпнуты из различных источников: словарей, картотек и т.п. Рассматриваются различные версии происхождения ойконимов с основой *Колп-*.

Ключевые слова: ойконим, гидроним, этимология, апеллятив

Анализ некоторых ойконимов нередко наталкивается на как будто верифицированные версии, на основе исторических фактов и подобранных лингвистических данных. Однако в ряде случаев тщательный анализ опровергает устоявшиеся подходы. В данной работе представлен анализ имеющихся версий ойконимов **Пелла** и **Колпино**, расположенных в бассейне реки Невы.

Так, например, наименование **Пе'лла** – в настоящее время это железнодорожная станция в городе Отрадное Кировского района Ленинградской области. Ранее известна как **Ивановская мыза**, которую в 1784 году приобрела Екатерина II. Спустя год здесь начинается строительство дворцово-паркового комплекса **Пелла**, предназначенного для внука императрицы, великого князя Александра Павловича. Имелась версия о наименовании в честь древней столицы Александра Македонского. Это, однако, противоречит прямому свидетельству Екатерины II